

Елена МАЙОРОВА,

Георгий МАЙОРОВ

ЖИЗНЬ, СУДЬБА И НАУЧНО- ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Аннотация

В статье продемонстрирован путь формирования цивилизационной концепции Н. Я. Данилевского, совпадающей с концепциями современной экологии. Ученый доказал применимость логических теорий в исследованиях биологических и культурно-социальных факторов, согласующуюся в первую очередь, с принципом множественности устойчивых состояний экосистем [28, 29, 31]. В статье используются методы историзма, принципов научной объективности и системности, позволяющие рассмотреть жизнь и взгляды Данилевского как единое целое, с анализом фактов во всей их совокупности и взаимосвязи. Исследование проведено на базе теоретического фундамента, созданного опубликованными работами Н. Я. Данилевского, документами личного характера, мемуарной литературы, а также трудами общественных деятелей 40–80-х гг. XIX в., позволяющих оценить полемику относительно капитального труда мыслителя «Россия и Европа», занимающего огромное место в его творческом наследии.

МАЙОРОВА Елена Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, Россия, Москва, email: trol003@mail.ru

МАЙОРОВ Георгий Александрович – кандидат экономических наук, заместитель заведующего кафедрой социологии, психологии управления и истории Государственного университета управления, Россия, Москва.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, петрашевцы, славянофильство, цивилизационный тип, логические теории, синтез идей, Мшатка, «Россия и Европа», критика дарвинизма.

DOI: 10.48137/23116412_2024_1_130

Введение

Более 200 лет прошло со дня рождения Н. Я. Данилевского – яркого, своеобразного отечественного ученого и мыслителя, стоящего особняком среди своих современников, как биологов, так и философов.

Последнее время, рассказывая о Данилевском, обычно освещают только одну грань его деятельности – философскую. Между тем в философию он пришел из биологии, первоначально проявив себя как видный ботаник, почвовед и ихтиолог. И биологические законы, в частности, понимание необходимости поддержания биологического разнообразия, во многом сформировали его так часто обсуждаемую цивилизационную концепцию [29]. Н. Я. Данилевский является самым цитируемым на Западе русским мыслителем. Его книга «Россия и Европа» входит в обязательное чтение в европейских университетах. В настоящее время работа ученого стала настольной книгой российских патриотов.

Глобальные макроэкономические процессы современности, определяющие многоотраслевую трансформацию мира и приводящую к неожиданным последствиям, стимулируют существенное возрастание интереса к долговременным социокультурным изменениям. Но еще в XIX в. Данилевский, как принято считать, стал первопроходцем, заложившим столь популярный на Западе подход пространственно-временной локализации явлений культуры.

Его фундаментальный труд «Россия и Европа» сформулировал теорию обособления культурно-исторических типов, отличающихся самостоятельностью и своеобразием религиозного, социального, бытового, промышленного, научного, художественного и иного развития; расширил рамки классификационных критериев государственности. Именно так оценен его вклад Международным обществом сравнительного изучения цивилизации (ISCSC) [1, с. 4].

Новацией Данилевского признается разработка им цивилизационной парадигмы, теории разнообразия и равноправия цивилизаций, «культурно-исторических типов», то есть групп с основным набором культурных значений, ценностей и норм, вокруг которых и ради которых эти группы организованы и функционируют [2, с. 411]. Они развиваются подобно биологическим организмам, и в условиях непрерывной борьбы друг с другом и внешней средой проходят все стадии онтогенеза. Цивилизационный подход Данилевского нашел развитие в исторических трудах таких западных ученых, как О. Шпенглер («Закат Европы»), А. Дж. Тойнби «Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад», В. Шубарт «Европа и душа Востока», «Общественные науки и современность» и др. Наиболее исторически перспективным Данилевский объявил «славянский тип», противостоящий европейским культурам.

Если не знать жизненного пути ученого, проделанной им огромной работы в области биологии, может создаться ложное впечатление, что кабинетный философ на кончике пера, путем осмысливания проблем универсальной истории, анализа сложных мировых культур не только разработал типовую классификацию государств в зависимости от

уровня развития, достигнутого народами, но и прозрел их будущее. На самом деле концепция Н. Я. Данилевского явилась результатом обобщения огромного философского материала, осмысленного и интерпретированного в свете накопленного опыта биологических исследований, и признанного ученым как единый путь развития природы и общества.

Студенческие годы и первые шаги в науке

В лицейские годы Данилевский уже получил известность как способный ботаник, а за перевод поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» – и как поэт [3]. Позже он крепко подружился с Николаем Семеновым – будущим крупным государственным деятелем, сенатором, игравшим важную роль в подготовке реформы 1861 года, что было описано в трехтомном труде «Освобождение крестьян в царствование Императора Александра II». Взаимное расположение, пристрастия и совпадение взглядов привели к решению молодых людей поселиться вместе в одной квартире на Васильевском острове. К ним присоединились младший Семенов – Петр, впоследствии выдающийся естествоиспытатель и путешественник Семенов-Тянь-Шанский, а также вносивший художественную ноту в естественно-научную атмосферу композитор и музыкальный критик А. Н. Серов.

После окончания лицея Данилевский поступил вольным слушателем на факультет естествен-

ных наук Санкт-Петербургского университета. Здесь он, углубленно занимаясь ботаникой, заинтересовался социалистической системой Шарля Фурье. Этот интерес к теории французского социалиста-утописта сблизил молодого Данилевского с Н. Н. Страховым (1828–1896), сыном протоирея, выпускником философского отделения Костромской духовной семинарии [3].

Данилевский, не имевший никакого состояния, должен был обеспечивать свое существование литературным трудом. Образование, полученное в стенах лицея, позволяло успешно сотрудничать в «Отечественных записках». Это ввело Данилевского в круг литературных деятелей. В 1843 г. он прислал в журнал отклик под названием «Письмо в редакцию», в котором оспорил некоторые положения статьи В. Г. Белинского «Русская литература в 1842 году». «Пламенный Виссарион» похвалил как «очень потешную» повесть «Падение Ширванского царства»

О. И. Сенковского (литературный псевдоним «Барон Брамбеус»). Данилевский, свободно владевший английским языком, самостоятельно перевел это произведение и установил, что опус Сенковского – почти дословный перевод из собрания восточных сказок известного в то время английского писателя Мориера.

Данилевский заявил о себе как вдумчивый исследователь в статье, написанной на смерть выдающегося французского биолога А. Дютроше (1776–1847), который предвосхитил клеточную теорию и опроверг основные положения витализма. Но более всего заняла молодого ученого идея Дютроше, согласно которой объекты обоих миров, органического и неорганического, подчиняются общим физическим и химическим законам. Причем уже в это время Данилевский подчеркивал важность методологии и подверг критике эмпиризм, считая его малоэффективным и малопродуктивным, а открытия, сделанные эмпирическим путем – случайными [4].

Позже молодой биолог получил известность как рецензент изданного в Санкт-Петербурге перевода труда А. Гумбольдта «Космос. Опыт физического мирописания». Немецкий биолог, вероятно, первый рассмотрел все живые организмы Земли как единую общность, а не как совокупность, что совпадало с представлениями Данилевского [5]. Он хвалил переводчика «за его точный и превосходно передающий язык подлинника перевод», а также и высказывал свои мысли о науке, ее ценностях, о важности ее популяризации, о соотношении земли и космоса, природы и человека [6].

По свидетельству П. Семенова, Данилевский «был в высшей степени оригинальной и симпатичной личностью...» [7, т. 1, с. 110–111]. Он же заметил изменения в мировоззрении друга: «В университетские годы произошла в нем резкая перемена: из человека консервативного направления и набожного, он быстро перешел в крайнего либерала сороковых годов, причем увлекся социалистическими идеями» [7, т. 1, с. 126].

Экспедиции Н. Данилевского и П. Семенова

Перемена взглядов привела Данилевского в общество думающих, просвещенных молодых людей – студентов, литераторов, чиновников, гвардейских офицеров – сходящихся с 1845 года по пятницам в доме яркого представителя передовой мысли русской интеллигенции Михаила Буташевича

Петрашевского (1821–1866). Он был известен богатой библиотекой, включавшей запрещенные в России книги по материалистической философии, утопическому социализму и истории революционных движений. Здесь встречались и обсуждали злободневные вопросы Достоевский, Плещеев, Дуров,

Чернышевский, Благосветлов, Салтыков, Аполлон и Валериан Майковы, Белинский и другие. Здесь свободно высказывались взгляды на миропонимание, обсуждались различные философские учения, и молодые интеллектуалы закономерно приходили к выводу о необходимости демократизации политического строя России и освобождения крестьян с землей [12]. Данилевский выделялся и в этом особенном обществе широтой знаний и способностью глубокого анализа обсуждаемых проблем.

Достоевский все три года знакомства часто бывал у Семенова и Данилевского в квартире на Васильевском острове, при этом полемика шла в основном между их гостем и Данилевским. Тот «...обладал огромной эрудицией. Перечитали мы с ним кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим, все лучшие тогда исторические сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений. (Фурье, Сен-Симона, Овена и т. д.)» – вспоминал Достоевский [8, т. 1, с. 291].

Встречи Данилевского и Достоевского продолжались и позже. Приезжая в Петербург, писатель непременно останавливался у Н. П. Семенова, поэтому общение происходило между тремя единомышленниками.

Однако не только социалистические учения занимали в то вре-

мя мощный ум Данилевского. Он продолжал увлеченно заниматься биологией вообще и ботаникой в частности, а в 1846 г. получил степень кандидата. В 1848 г. молодой ученый сдал магистерский экзамен, представив квалификационную работу «Орловская флора» и в следующем году готовился защитить магистерскую диссертацию по биологии. Вместе с таким же увлеченным естествоиспытателем П. Семеновым он отправился пешком из Петербурга в Москву, по пути изучая рельеф, геологическое строение, почву и растительность северных губерний России [17].

Это путешествие убедило молодых биологов в собственных возможностях и позволило «замахнуться» на биолого-почвоведческое описание черноземного пространства России в «агрономическом и естественно-историческом отношении». Целью новаторского по тем временам предприятия были определение границы залегания чернозема, физический и химический анализ почв разных участков, установление связи ботанических видов с конкретными условиями произрастания. Компаньоны представили в Вольное экономическое общество проект трехлетней экспедиции, надеясь получить материальную поддержку. Проект произвел весьма благоприятное впечатление, а оба автора были превосходно охарактеризованы профессорами Санкт-Петербургского университета. Молодых людей приняли в члены-корреспонденты Общества

и – редкий случай! – выделили сумму, необходимую на первый этап экспедиции.

Составив детальное описание флоры и почв Рязанской и Тульской губерний, молодые исследователи перебрались в Орловскую губернию, где располагались родовые земли семьи матушки Данилевского – Оберец, имение ее братьев Мишиных, в котором Николай появился на свет и проводил каждое каникулярное лето. Здесь жила и его родная сестра Елена. Через нее брат еще шесть лет назад познакомился с молодой бездетной генеральшей-вдовой Верой Николаевной Беклемишевой (урожденной Лавровой), по словам П. П. Семенова-Тян-Шанского «отличавшейся умом, благородством,

деловитостью и редкой красотой» [17, с. 153]. Николай постоянно думал о ней и все это время состоял с ней в переписке. Однако свои чувства и намерения он ни ей, ни кому-нибудь еще не открывал. Первым догадался о любви друга Петр Семенов. «Когда я в деликатной форме высказал ему свою догадку, он покраснел как ребенок и со свойственной ему душевной чистотой поведал мне все свои сердечные тайны», признался, что «любит ее всей душой и причем бесповоротно», – вспоминал путешественник. Семенов не раз убеждал застенчивого Данилевского открыть свои чувства красавице-вдове и создать семью, не смущаясь тем, что избранница была старше его лет на семь.

Аресты петрашевцев

Пока друзья-естествоиспытатели с пользой и приятностью проводили время в экспедиции, над Петрашевским и членами его кружка нависла серьезная угроза. За ними уже давно было установлено полицейское наблюдение. В апрельскую ночь 1849 г. произвели аресты. Кружковцев поместили в Петропавловскую крепость, условия содержания в которой поражали суровостью. Все вели себя достойно и ничего не скрывали от следователей, поскольку не считали свои интеллектуальные увлечения преступлением [12].

За отсутствующими Данилевским и Семеновым был послан

жандармский полковник, который арестовал Николая, обвинявшегося в чтении лекций на «пятницах» Петрашевского. Но в вину ему можно было поставить лишь распространение учения Ш. Фурье, поскольку в среде петрашевцев он слыл человеком, который лучше всех знает его теорию, является знатоком не только естественных наук, но и «всех социальных систем» [7, с. 110].

После пятимесячных стараний двух комиссий под председательством генерала И. А. Набокова и князя А. Ф. Голицына отыскать в собраниях петрашевцев какие-либо следы подготовки восстания не

удалось; государю было представлено заключение, что это дело – «заговор идей». Тем не менее, Петрашевский и его единомышленники были признаны виновными в государственном преступлении. Их обвинили в замысле «на ниспровержение нашего государственного устройства с тем, чтобы основать оное на безначалии» [9].

Данилевский поручил Петру Семенову поговорить с Верой Николаевной и передать письмо, в котором освобождал молодую женщину от обещания выйти за него замуж. Однако Вера Николаевна, как в начале века жены декабристов, проявляя верность, истинную преданность и подлинную любовь, готова была разделить участь избранника.

Во время следствия Данилевский держался с достоинством, старался доказать несостоятельность обвинения по существу. Учение Фурье не было официально запрещено в России; сочинения экономиста обсуждались в печати, а на французском языке даже допускались к продаже в книжных лавках. Кроме того, сам по себе фурьеризм не содержал в себе ничего социально опасного, не предполагал революционных способов ломки существующего строя. Предлагаемые ученым реформы имели не политический, а экономический характер, то есть не посягали ни на правительство, ни на собственность. К тому же подозреваемый утверждал, что вовсе прекратил визиты к Петрашевскому, не одобряя стремление коммунистов «насилъ-

ственно утвердить свое учение во Франции».

Написанный по памяти разбор учения Фурье и сделанные подозреваемым ясные и четкие выводы поразили членов следственной комиссии. Один из них, Я. Н. Ростовцев, даже шутливо признавался, «что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделали сами более или менее фурьеристами» [9].

Но проведенные в Петропавловской крепости «100 дней Данилевского» стали поворотным пунктом в формировании его мировоззрения. В заточении он читал Библию и черпал в ней ответы на многие вопросы. Он пришел к выводу, что «надо быть полезным отечеству и себе» [3].

По результатам расследования Данилевский был оправдан и, к радости Петра Семенова, освобожден из заключения. Однако в просьбе о защите магистерской диссертации Данилевскому было «высочайше» отказано. Император посчитал нужным отправить его в административную ссылку в Вологду, – хотя и на службу, но без права покидать город. С другом отправился Семенов, полагавший, что, вероятнее всего, избежал ареста и последующих репрессий из-за собственной незначительности в глазах властей [7].

Уже в Вологде друзья с сердечной болью узнали о приговоре петрашевцам. По Полевому уголовному уложению более 20 человек были приговорены к смерти. 22

декабря 1849 г. заключенных в одних смертных рубашках привезли на Семеновскую площадь, где их ждал эшафот. Вся обрядовая сторона смертной казни была строго соблюдена. Осужденным надели колпаки и привязали к столбу для исполнения приговора. Но прибывший в последнюю минуту флигель-адъютант объявил о помиловании: замене смертной казни иными наказаниями. Над головами помилованных сломали шпаги в ознаменование смерти гражданской [9].

В ссылке Николай свел близкое знакомство с семьей родовитого и состоятельного помещика Александра Павловича Межакова (1812–1859). Скоро знакомство переросло в дружбу, которой способствовала общность интересов. Также как Данилевский, Межаков был выпускником Петербургского университета и с молодых лет страстно увлекался исследованием флоры и фауны. Он отказался от служебной карьеры и «был уволен по прошению с чином титулярного советника». В своем имении Никольское он устроил прекрасный парк, сад, оранжереи и теплицу, где выращивались ананасы; занялся опытами по акклиматизации растений, орнитологией, изучением эндемичных рептилий. Научной деятельности Александра Павловича весьма способствовала обстановка в семье. Он нашел понимание у жены Юлии Францовны, дочери извест-

ного в Петербурге французского эмигранта Франсуа Тирана [10].

В этом же году тяжело заболела мать Николая, проживавшая в то время в Херсонской губернии. За разрешением на поездку к ней Данилевский обратился прямо к Николаю I. Он писал, что болезнь матери оставляет мало надежд на выздоровление, и он стремится «доставить ей последнее благословение» и услышать из ее уст прощение за причиненные ей «горести» [7]. Просьба Данилевского была удовлетворена.

Осиротевший сын вернулся в Вологду, откуда в Орловскую губернию Вере Беклемишевой полетели душевные письма. Вскоре генеральша продала свои земли и имущество, и, приехав к Николаю, обвенчалась с ним [10].

Казалось бы, пришло счастье. Но в 1852 г. скончалась Ю.Ф. Межакова, а меньше, чем через год после свадьбы, заразившись холерой, умерла и Вера Николаевна.

Этот период Данилевский считал самым жестоким в своей жизни. Он изливал душу Межакову: «Если Вы знали, как я ее любил, что 9 лет все мои чувства, мысли и надежды относились к ней, имели ее как цель, и что пользовался я так долго ожидаемым счастьем 9 месяцев, Вы поверьте мне, что я остался совершенно без цели в этой жизни»¹. К нему вернулась религиозность его детских дней, теперь он всецело уповал на Всевышнего.

¹ Данилевский Н. Я. Письма к А. П. Межакову // ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226.

Увлечение идеями славянофилов

Утешение Данилевский черпал и в науке. Именно сейчас он заинтересовался идеями славянофилов. Славянофильство² процветало в 40-х и 50-х годах XIX в. Это течение было вызвано к жизни несоответствием между просторами, потенциальными богатствами и низкой общей культурой населения страны, ее отсталостью от европейского прогресса. Однако славянофилы проповедовали не борьбу с Западом, не оголтелое возвеличение собственной национальности (как до настоящего времени полагают многие), но симпатию ко всем славянским народам, уважение к православной вере, а также к духовному быту и духу русского человека, отличному от западной односторонней рассудочности. Их воззрения отнюдь не расходились с официальной идеологией, упиравшей на то, что не следует считать опыт других стран ориентиром для России. Эти представления не могли не привести к возвеличанию достоинств славянской культуры и к идее о духовном превосходстве православия над другими направлениями христианства.

О даровитом молодом человеке не забыли. Русское географическое общество весной 1853 года обратилось к шефу жандармов А. Ф. Орлову с ходатайством о разрешении Н. Я. Данилевскому работать в экспедиции по изучению состояния рыбо-

ловства на Волге и Каспийском море. В частности, следовало установить в какой степени соблюдается указ Александра I от 1802 г., согласно которому морские рыбные промыслы не могли быть «приватизированы» и должны оставаться доступными для пользования всех граждан. Уже в июне по «Высочайшему повелению» Данилевский был командирован в ученую «Каспийскую экспедицию» под начальством К. М. Бэра.

Остзейский немец Карл Эрнст фон Бэр заслуживает отдельного рассказа. Но мы подчеркнем лишь те стороны его многогранной натуры и деятельности, которые сыграли роль в становлении мировоззрения Данилевского. Разнообразие интересов Бэра изумляло, энциклопедичность знаний поражала, необычайная широта взглядов вызывала преклонение. Самыми сильными его чертами являлись креативность, колоссальная трудоспособность, точность и аккуратность в исследованиях, любовь к науке [11]. Данилевский был правой рукой ученого на всех этапах экспедиции, помогал в преодолении всех трудностей.

Эмбриологическое обоснование учения о 4-х типах животного царства, предложенное Бэром, подтолкнуло к формированию подобного же подхода к классификации человеческих цивилизаций у патриота Дани-

² Славянофильство – неоднородное консервативно-демократическое движение, направление русской общественной и философской мысли 40-50 гг. XIX в., выступившее с обоснованием самобытного пути исторического развития России, принципиально отличного от западноевропейского пути.

левского, к чему его влекло возникшее увлечение славянофильством, спровоцированное объединением всей Европы против России во время Крымской войны (1853–1856) [12]. Он рассматривал итоги этой войны как величайшее оскорбление национального достоинства.

Естествоиспытатель познакомился с записками М. П. Погодина, написанными во время Крымской войны. Эти записки имели широкое хождение в рукописном варианте по всей России, «были почитаны очень многими и произвели сильное впечатление на общественность» [13, т. 4, с. 201]. Погодин призывал к объединению всех славян против общего врага (Европы), создал проект Славянской федерации, который и представлял на суд единомышленников.

Одновременно Данилевский увлекся творчеством известного славянофила А. С. Хомякова [14]. Особенно импонировала ему идея лидера славянофилов о «духе общинности», о том, что вся европейская топонимика свидетельствует о «славянской подпочве Европы», и именно русскому народу удалось сохра-

нить в первозданной чистоте христианство [8, т. 1, с. 59]. Имелись и расхождения – Данилевский не соглашался с Хомяковым в выводах, считая невозможным возвращение в лоно православия католиков.

Личное знакомство с такими признанными апологетами славянофильства, как представители университетской профессуры В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер, А. Ф. Гильфердинг, укрепили его убеждения. Однако Данилевский не стал ортодоксальным последователем славянофилов, считая недостатком славянофильской концепции признание существования единого человечества и наличия единой общечеловеческой задачи. Он же утверждал не только возможность, но и необходимость сплочения славянского мира, формирования славянской цивилизации как особого типа культуры, то есть постепенно и закономерно приходил к панславизму³. Академик Ю. Пивоваров утверждал, что панславизм Н. Я. Данилевского есть наложение западного национализма на славянскую, русскую почву [15].

Формирование концепции культурно-исторических типов

Однако социально-гуманитарные интересы не отвлекали ученого от любимой биологии.

После окончания трудной Каспийской экспедиции – ломались пароходы и повозки, лодки садились

³ Панславизм – идеология, сформировавшаяся в странах, населенных славянскими народами, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалась в среде славянских народов в конце XVIII – первой половине XIX веков. В научный оборот термин введен в начале 40-х годов XIX в.

на мель, горели архивы, болезни до- нимали участников экспедиции – Данилевский провел год в Петербурге, работая камерально, то есть обрабатывая собранные в экспедиции экспериментальные статистические и иные данные. В его положении произошли позитивные изменения. При коронации император Александр II объявил амнистию декабристам, петрашевцам и участникам польского восстания 1831 года. Извещение об освобождении Н. Я. Данилевского от полицейского надзора было передано через К. М. Бэра в сентябре 1856 года. Теперь Николай Яковлевич мог устраивать свою судьбу по собственному разумению. Он поступил на службу в Департамент земледелия Министерства государственных имуществ и стал получать регулярное жалование. Своими трудами ученый заслужил чин действительного статского советника (что соответствовало званию генерал-майора).

Данилевский руководил экспедициями на Белое море и Северный Ледовитый океан, на Азовское и Черное моря, на Днепр, на Урал, Маныч, Кубань, Дунай, в Крым, Псков, Чудь – и так до конца жизни. Ихтиологии он был предан почти так же как ботанике. В экспедициях ученый не только занимался исследованием рыбных запасов и водного режима многочисленных рек, озер и морей России, но и имел возможность наблюдать разные человеческие общности, возникшие под влиянием условий существования. Эти наблюдения укладывались в формирующуюся у него

концепцию культурно-исторических типов.

В результате полевых исследований Н. Я. Данилевский констатировал, что Россия обладает огромными рыбными запасами, но для их сбережения делается недостаточно. Он указывал на опасность утраты этих богатств из-за хищнических промыслов, уничтожения мест обитания водной фауны из-за вырубки лесов по берегам рек и последующего обмеления водных источников. Естествоиспытатель упорно продвигал идею о необходимости охраны природы в том числе и правовыми средствами. Сейчас мы можем сказать, что работы ученого отличались как ярко выраженной экологической направленностью, так и проработанностью экономических и управленческих аспектов. На основании его трудов были урегулированы отношения в области рыболовства и рыбных промыслов и составлено российское «законодательство по части рыболовства во всех водах Европейской России», использовавшееся даже большевиками. За свои выдающиеся исследования ученый-натуралист был награжден высшей наградой Русского географического общества – Константиновской медалью [16].

В 1859 г. скончался А. П. Межаков. В свое время после потери любимых жен друзья поддерживали друг друга письмами. Утешение в горе оба находили в науке. Межаков к тому же занялся общественной деятельностью, был избран предводителем Вологодского гу-

бернского собрания и до самой кончины пользовался всеобщим уважением [17].

Данилевский сделал предложение дочери покойного друга Ольге Александровне (1837–1910). Он хорошо знал девушку, внучатую племянницу святителя Брянчанинова⁴, автора двух томов «Аскетических опытов». Со времен вологодской ссылки ученый дружил со многими членами ее семьи, особенно с братом Александром. В его имении Никольское часто гостили родственники, собирались единомышленники, духовно близкие люди.

Из-за очередной экспедиции свадьба была отложена и состоялась почти через год, 15 октября 1861 г. Во время разлуки жених и невеста вели живую переписку (письма эти сохранились), что позволило им лучше узнать и понять душевный строй друг друга. Их гармоничный союз дал жизнь пятерым детям. Супруги, довольствующиеся самым необходимым, широко занимались благотворительностью: хлопотали о приятелях, попавших в сложное положение, брали на воспитание осиротевших детей родственников и вовсе чужих.

Данилевский часто бывал в Крыму, и, используя прежний опыт гидравлики, детально рассмотрел такой актуальный вопрос, как «Правила владения водами в Крыму».

В 1864 году, очарованный природой полуострова, он купил на его

южном берегу в урочище Абильбах близ маленькой татарской деревушки Мшатка (ныне поселок Береговое) имение графа Г.А. Кошелева с огромным садом и развалинами барского дома [18]. Обустроив усадьбу, Данилевский перевез сюда увеличивающуюся семью. Обстановка в доме была очень скромная, из дорогих вещей имелось только пианино. Вместе с супругой, такой же энтузиасткой естествознания и садоводства, Николай Яковлевич заложил роскошный парк, в котором высаживались разные виды декоративных растений, привезенных со всего мира, всего около трехсот видов. Видимо, в это время он уже сформулировал в уме идею различных типов развития человечества, создавая насаждения и ландшафт, характерные для разных государств, эпох, цивилизаций.

Данилевские занялись и виноградарством – виноградники приносили семье основной доход. Когда же в Мшатке появилась филлоксеры, Николай Яковлевич первым проявил гражданскую позицию, уничтожив собственные плантации, чтобы остановить распространение опасного вредителя. Он детально описал это мелкое насекомое, представлявшее серьезную угрозу для крымского виноградарства. Ученый возглавлял комиссию по борьбе с вредителем и издал специальное исследование, посвященное истреблению филлоксеры [19].

⁴ Святитель Игнатий (Брянчанинов) Дмитрий Александрович (1807–1867), известный русский подвижник и духовный писатель XIX в. В его размышлениях православие лишено национальной или этнической идентичности. Он описывает духовно-религиозное состояние всех слоев русского народа как совершенно далекое от традиционно-консервативного образа народа-Богоносца.

Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) семья Данилевских не покинула Мшатку, намереваясь в случае опасности уйти в горы.

Друг Данилевского Н. Н. Страхов, близкий Л. Н. Толстому, очень надеялся свести своих выдающихся знакомцев, полагая их равными по значению и мощности интеллекта. По его настоянию писатель во время своего пребывания в Крыму пешком пришел в Мшатку из Мисхора и отчитывался в письме к Страхову: «...Был в Крыму, и поехал к Данилевскому. Он очень мне понравился, и его жена.

Разумеется, о Вас много говорили» [20, с. 354].

В это время Данилевский пережил эволюцию от славянофильства к панславизму и страстно поддерживал это направление. Не исключено – и это утверждали многие исследователи – что на Данилевского произвело впечатление знакомство с работами немецкого историка Г. Рюккерта. Тот называл социальные единицы человечества историческими или культурно-историческими организмами, а также культурными типами. Это было близко и понятно биологу Данилевскому.

Труд «Россия и Европа»

В крымском имении, в гармонии с природой, в окружении домашнего уюта, среди нежно любимой семьи, в общении с близкими по духу людьми, Николай Яковлевич проводил зимы в перерывах между многочисленными летними экспедициями. Здесь в долгие зимние вечера и был создан его эпохальный труд «Россия и Европа», начатый осенью 1865 г. и увидевший свет в первом номере журнала «Заря» за 1869 г., а в 1871 г. вышедший отдельным изданием тиражом в 1 200 экземпляров. Но в то время книга не вызвала особенного интереса и находилась в продаже 15 лет.

Первые три главы исследования подводят к основной мысли: все человечество нельзя рассматривать как некую развивающуюся целостность; разные народы и цивилизации развивались несинхронно. Дви-

гаясь индуктивным путем от обобщающей мысли о соответствии естественных и социальных знаний, Данилевский пытался объединить эти капитальные комплексы наук и применял к социальной эволюции методы биологии: органическую теорию развития, предполагающую, что общество проходит те же стадии онтогенеза, что и биологические организмы — зарождения, расцвета и гибели; он классифицировал различные типы общества по степени и с точки зрения генетического родства отдельных групп (таксонов). По словам П. А. Сорокина доказывая сформулированные им законы, Данилевский выдвинул несколько общих принципов современной социологии и антропологии относительно диффузии, миграции, экспансии и мобильности культуры, привнесенные из биологии» [21].

Под влиянием Данилевского у Сорокина сложилось убеждение, что метод познания социальной реальности идентичен методам познания, применяемым в естественных науках, а сфера социологии – изучение форм и принципов действия и взаимодействия индивидов, доступных наблюдению и измерению [22].

Страхов утверждал, что книга содержит только собственные мнения автора, мысли, никем и никогда еще не сказанные, почему он и почел за нужное их высказать [23]. Данилевский отрицал идею единой общечеловеческой цивилизации, утверждая, что существуют и развиваются отдельные культурно-исторические цивилизационные типы. Такой подход позволяет рассматривать историю как развитие локальных цивилизаций, каждая из которых ориентирована на сохранение своей специфики и своей целостности [24]. С точки зрения биоразнообразия он подходил к понятию прогресса человечества как множества цивилизаций, развивающихся в разных направлениях. В целом труд Данилевского основан на убеждении в духовной самобытности, превосходстве и продуктивности славянского культурно-исторического типа. Способность развиваться придает этому типу обладание особым психическим устройством, особым духовным «строением» – «образовательным началом» [25]. Под этим термином Данилевским понимал свойство, присущее всем славянам – западным, восточным и южным – и обладающее огромным созидательным потенциалом. Именно эту особенность,

сформированную Божественным Промыслом, он считал определяющим вектором развития славянского мира. Так же, как славянофилам, Ф. М. Достоевскому, В. С. Соловьеву и многим другим русским мыслителям, Данилевскому была чужда идея синтеза цивилизаций России и Запада.

Н. Я. Данилевский приобрел в истории репутацию «автора одной книги». Но это неверно. Не говоря уже о его выдающихся заслугах в области климатологии, ихтиологии, краеведения и других естественных наук, в последние годы жизни ученый работал над двухтомным трудом «Дарвинизм», представляющим собой расширение и развитие мыслей, изложенных в труде «Россия и Европа» [25]. Критикуя учение Ч. Дарвина о естественном отборе и образовании видов, автор противопоставлял ему «морфологический принцип» – Божественное начало, идеальные прообразы: «Морфологический принцип есть идеальное в природе»; морфологический принцип моделирует определенные типы органического мира, которые не развиваются и не могут развиваться, потому что представляют собой не ступени развития в лестнице постепенного совершенствования существа, а «совершенно различные планы». Морфологическое развитие осуществляется по законам, присущим самим типам и независимым от внешних условий [7]. То есть происходит то же самое, что с цивилизациями: они созданы высшим промыслом, раз-

личны и развиваются по собственным законам⁵.

Труд так и остался незавершенным. Николай Яковлевич Данилевский скоропостижно скончался в 1885 г. на Кавказе, в Тифлисе после завершения научной экспедиции на озеро Гохч, от болезни сердца, которой он страдал все последние годы

жизни. Морем его тело доставили в Крым, к семье. Он был похоронен в «Кипарисовом зале» своего имения Мшатка [10]. Потомки Николая Яковлевича, на свои средства заказали в Севастополе гранитный памятник, который удалось установить в 2007 г. – единственный памятник Н. Я. Данилевскому в России.

Список литературы

1. Страхов Н. Н. Письмо к Л. Н. Толстому от 4 июня 1887 г. / Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым (1870–1894). СПб., 1914. 354 с.
2. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени (1964). М., 1997.
3. Авдеева Л. Р. Русские мыслители А. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. М., 1992.
4. Данилевский Н. Я. «Дютроше» // Отечественные записки. 1848а. Т. 58. № 5–6.
5. Данилевский Н. Я. «Космос» Гумбольдта // Отечественные записки. 1848б. Т. 58-59. № 6–8.
6. Шадрин Н. В. Александр Гумбольдт – первый эколог (к 150-летию со дня смерти) // Морской экологический журнал. 2009. Т. 8, № 3. С. 77-83.
7. Семенов П. Н. Н.Я. Данилевский. СПб. 1885.
8. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М. 1990. Т. 1.
9. Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л.: Наука, 1988. 236 с.
10. Шадрин Н. В. Александр Гумбольдт – первый эколог (к 150-летию со дня смерти) // Морской экологический журнал. 2009. Т. 8, № 3. С. 77-83.
11. Варламов В. Ф. Карл Бэр – испытатель природы. М.: Знание. 1988.

⁵ Книга вызвала негативную оценку Тимирязева, который подвергнул уничтожающей критике как логическую и философскую, так и естественнонаучную аргументацию Данилевского, продемонстрировав незнание последним современного уровня биологии. Он обвинял Данилевского в компиляции, неспособности к научному беспристрастию, отсутствию логики, стремлении «поражения нечестивой науки Запада» [«Дарвин как тип ученого» (1885); «Опровергнут ли дарвинизм?» (1887), «Бессильная злоба антидарвиниста» (1889), «Странный образчик научной критики» (1889)].

12. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Работы по истории философии.
13. Карпачев М. Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки Русской культуры XIX в. Т. 4. М. 2003.
14. Зеньковский В. Начало «славянофильства». А. С. Хомяков. 1948.
15. Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России. Том I. № 1. 1992. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Воспоминания. Т. 1: Детство и юность. 1827–1855. М.: Кучково поле. 2019.
16. Сорокин Состояние русской социологии за 1918 – 1922 гг. // О русской общественной мысли. СПб. 2000.
17. Хорошева А. В. Творчество Н. Я. Данилевского в общественной мысли пореформенной России. Диссертация ... канд. истор. наук. Москва. 2007. 285 с.
18. Данилевская О. Н., Данильченко И. Р., Тенни О. В. Жизнь Н. Я. Данилевского. Биографический очерк. Тетради по консерватизму. №3. 2020. С. 345–365.
19. Данилевский Н. Я. О способах борьбы с филлоксерою // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. Издание Н. Страхова. СПб. 1890. С. 624–667.
20. Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского / Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1888 (переиздание СПб, 1995). С. 21–34.
21. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени (1964). М. 1997.
22. Holling C.S. Understanding the complexity of economic, ecological, and social systems // Ecosystems. 2001. Vol. 4. P. 390–405.
23. Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918 – 1922 гг. // О русской общественной мысли. СПб. 2000.
24. Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России. Том I. № 1. 1992. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Воспоминания. Т. 1: Детство и юность. 1827–1855. М.: Кучково поле. 2019.
25. Балугев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга Россия и Европа. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 280 с.
26. Данилевская О. Н. Святая, но забытая могила // Наше наследие. № 123. 2017. С. 80–85.

MAYOROVA Elena I. – Doctor of Law, Professor of the Department of Private Law, State University of Management, Russia, Moscow, email: trol003@mail.ru

MAYOROV Georgy A. – PhD in Economics, Deputy Head of the Department of Sociology, Management Psychology and History of the State University of Management, Moscow, Russia.

Keywords: N. Y. Danilevsky, Petrashevites, Slavophilism, civilizational type, logical theories, synthesis of ideas, Mshatka, “Russia and Europe”, criticism of Darwinism.

LIFE, FATE AND SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF N. Y. DANILEVSKY

Annotation

The article demonstrates the way of formation of N. Y. Danilevsky's civilizational concept, which coincides with the concepts of modern ecology. The scientist proved the applicability of logical theories in the study of biological and cultural-social factors, consistent primarily with the principle of plurality of stable ecosystem conditions [28, 29, 31]. The article uses the methods of historicism, the principles of scientific objectivity and consistency, which allow us to consider the life and views of Danilevsky as a whole, with an analysis of the facts in their entirety and interrelationship. The study was conducted on the basis of a theoretical foundation created by the published works of N. Y. Danilevsky, personal documents, memoir literature, as well as the works of public figures of the 40-80's of the XIX century., allowing to assess the controversy regarding the major work of the thinker “Russia and Europe”, which occupies a huge place in his creative heritage.

References

1. Strakhov N. N. Letter to L. N. Tolstoy dated June 4, 1887 / Correspondence of L. N. Tolstoy with N. N. Strakhov (1870-1894). St. Petersburg, 1914. 354 p.

2. Sorokin P. A. The main trends of our time (1964). M., 1997.
3. Avdeeva L. R. Russian thinkers A. A. Grigoriev, N. Ya. Danilevsky, N. N. Strakhov. M., 1992.
4. Danilevsky N. Ya. "Dyutroche" // Otechestvennye zapiski. 1848a. Vol. 58. No. 5-6.
5. Danilevsky N. Ya. "Cosmos" by Humboldt // Domestic notes. 1848b. vol. 58-59. No. 6-8.
6. Shadrin N. V. Alexander Humboldt – the first ecologist (to the 150th anniversary of his death) // Marine Ecological Journal. 2009. Vol. 8, No. 3. pp. 77-83.
7. Semenov P. N. N.Ya. Danilevsky. St. Petersburg. 1885.
8. F.M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries. M. 1990. Vol. 1.
9. Egorov B.F. Petrashevtsy. L.: Nauka, 1988. 236 p.
10. Shadrin N. V. Alexander Humboldt – the first ecologist (to the 150th anniversary of his death) // Marine Ecological Journal. 2009. Vol. 8, No. 3. pp. 77-83.
11. Varlamov V. F. Karl Baer – the tester of nature. M.: Knowledge. 1988.
12. Khomyakov A. S. Essays in two volumes. Vol. 1. Works on historiosophy.
13. Karpachev M. D. Socio-political thought of the post-reform era // Essays of Russian culture of the XIX century. Vol. 4. M. 2003.
14. Zenkovsky V. The beginning of "Slavophilism". A. S. Khomyakov. 1948.
15. Pivovarov Yu. S. Nikolai Danilevsky in Russian culture and world science // The world of Russia. Volume I. No. 1. 1992. Semenov-Tyan-Shansky P.P. Memoirs. Vol. 1: Childhood and youth. 1827-1855. Moscow: Kuchkovo field. Russian Russian Society 2019.
16. Sorokin The state of Russian sociology for 1918 – 1922. // On Russian social thought. St. Petersburg, 2000.
17. Khorosheva A.V. The work of N. Y. Danilevsky in the public thought of post-reform Russia. Dissertation ... cand. history of sciences. Moscow. 2007. 285 p.
18. Danilevskaya O. N., Danilchenko I. R., Tenney O. V. The life of N. Y. Danilevsky. A biographical sketch. Notebooks on conservatism. No. 3. 2020. pp. 345-365.
19. Danilevsky N. Ya. On ways to combat phylloxera // Collection of political and economic articles by N. Ya. Danilevsky. Edition of N. Strakhov. St. Petersburg. 1890. pp. 624-667.
20. Strakhov N. N. The life and works of N. Y. Danilevsky / Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. St. Petersburg., 1888 (reprint of St. Petersburg, 1995). pp. 21-34.

21. Sorokin P. A. The main trends of our time (1964). M. 1997.
22. Holling C.S. Understanding the complexity of economic, ecological, and social systems // Ecosystems. Russian Russian Sociology 2001. Vol. 4. P. 390-405.
23. Sorokin P.A. The state of Russian sociology for 1918 – 1922. // On Russian social thought. St. Petersburg, 2000.
24. Pivovarov Y. S. Nikolay Danilevsky in Russian culture and world science // The world of Russia. Volume I. No. 1. 1992. Semenov-Tyan-Shansky P. P. Memoirs. Vol. 1: Childhood and youth. 1827-1855. Moscow: Kuchkovo field. 2019.
25. Baluyev B. P. Disputes about the fate of Russia: N. Y. Danilevsky and his book Russia and Europe. Moscow: Editorial URSS, 1999. 280 p.
26. Danilevskaya O. N. The holy but forgotten grave // Our heritage. No. 123. 2017. pp. 80-85.